

М. Х. Рейтернъ.

(Биографическій очеркъ, составленъ А. Н. Куломзинымъ и гр. В. Г. Рейтернъ—бар. Нолькенъ. Съ приложеніями изъ посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна).

Въ библиографическомъ отдѣлѣ юньской книги „Русской Старины“ помѣщенъ краткій обзоръ біографическаго очерка М. Х. Рейтерна, бывшаго въ теченіе 16 лѣтъ министромъ финансовъ въ царствованіе Императора Александра II-го. Изложеніе политическихъ вѣяній передъ войной 1877—1878 г.г., разговоры Императора Александра II, написанное М. Х. Рейтерномъ въ его посмертныхъ запискахъ, преисполнено такого высокаго, историческаго интереса, что читатели не посѣтуютъ, если мы приведемъ изъ этихъ записокъ тѣ ихъ отдѣлы, которые касаются политики Россіи въ это время.

По словамъ М. Х. Рейтерна: „Государь ¹⁾ издавна со мной говорить о политикѣ. Онъ въ это время ²⁾ говорилъ со мной почти что каждый разъ и всегда безъ всякаго съ моей стороны повода...; казалось, что онъ радъ бывалъ случаю отвести душу (если можно такъ выразиться) съ человѣкомъ въ сочувствіи котораго своимъ мыслямъ онъ былъ увѣренъ“. II.

Пребываніе М. Х. Рейтерна въ Ливадіи въ октябрь м. 1876 года.

Въ августѣ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Варшаву и Ливадію, Государь нѣсколько разъ говорилъ со мною о политическихъ дѣлахъ. Онъ, какъ и прежде, весьма сильно выражалъ свою рѣшимость не давать Россію завлечь въ войну. Онъ не безъ горечи говорилъ объ агитаціи славянофильской—о желаніи нѣкоторыхъ лицъ выставлять не его представителемъ интересовъ Россіи.

Сентября 4-го я уѣхалъ въ деревню, а 13-го получилъ тамъ телеграмму, которою меня извѣщали о сущности порученія, возложеннаго на графа Сумарокова, къ чему присовокупляли, что если

¹⁾ Императоръ Александръ II.

II.

²⁾ Передъ войной 1877—78 г.г.

II.

отвѣтъ Австріи былъ бы неудовлетворителенъ, то будетъ мобилизовано до 200 т. войска. Это первый намекъ, что мы измѣнили свой взглядъ на политическое положеніе.—Я возвратился вслѣдствіе этого скорѣе, чѣмъ полагалъ, т. е. 20-го сентября. Въ воскресенье 24-го я получилъ приглашеніе въ Ливадію, уѣхалъ на другой же день и прибылъ въ Ливадію 1-го октября.

Государь меня тотчасъ принялъ и сказалъ мнѣ, что несмотря на его желаніе кончить дѣло мирнымъ путемъ, это по всему вѣроятію не удастся, и что слѣдуетъ готовить средства для войны. Я началъ было объяснять трудность веденія войны вообще и въ особенности въ годъ, экономически неблагопріятный. Государь, противъ своего обыкновенія, меня прервалъ словами, что нечего дѣлать, приказалъ переговорить съ другими и затѣмъ доложить ему. Изъ „другихъ“ я нашелъ князя Горчакова весьма воинственнымъ, Милютина крайне озабоченнымъ трудностями зимняго похода, графа Адлерберга весьма благоразумнымъ, но сдержаннымъ. Игнатъевъ говорилъ много, не всегда одинаково, но, кажется, клонился къ войнѣ. Общая атмосфера Ливадіи была крайне воинственна. Тогда я счелъ своимъ долгомъ изложить письменно и представить Государю (3-го октября) свое убѣжденіе, хотя и предвидѣлъ, что оно едва-ли будетъ раздѣляемо. Послѣ обѣда Государь меня подозвалъ и сказалъ мнѣ съ недовольнымъ видомъ: „Твоя записка ¹⁾ на меня произвела самое грустное впечатлѣніе, мы объ ней переговоримъ завтра въ совѣщаніи“. Зная, что на другой день предстоитъ мнѣ выдержать неприятную сцену, я далъ себѣ слово, что бы ни было, не горячиться и не отказываться отъ своихъ убѣжденій. На другой день собрались у Государя: Наслѣдникъ, Горчаковъ, Милютинъ, Адлербергъ, Игнатъевъ и я. Записку мою, какъ оказалось, кромѣ Государя читалъ одинъ Наслѣдникъ.

Государь сказалъ, что записка произвела на него самое грустное впечатлѣніе, что я порицаю всѣ реформы его царствованія, доказывая, что эти реформы ослабили Россію; что я вовсе не указываю на средства для веденія войны и предлагаю унизить Россію. Что этого ни онъ, ни сынъ его не допустятъ.

На это я сказалъ, что на реформы, составляющія славу царствованія Е. В., я положилъ не мало своего труда и даже своей инициативы и что считаю за величайшую честь и счастье, что могъ это сдѣлать; что реформы эти вызвали экономическое развитіе, которое будетъ остановлено войною, и что раззореніе будетъ громадное потому, что многое начато, и ничего еще не окрѣло. О средствахъ

¹⁾ Эта записка на печатана въ біографическомъ очеркѣ.

къ войнѣ я повторилъ вкратцѣ сказанное въ запискѣ. На это мнѣ Государь сказалъ: „Средства есть, но надобно умѣть и хотѣть ихъ достать“.

За симъ перешли къ другимъ занятіямъ, и въ этомъ засѣданіи было рѣшено послать Игнатьева въ Константинополь, мобилизовать часть арміи 1-го ноября, а въ началѣ декабря перейти границу, если на конференціи не примутъ нашихъ требованій. Послѣ обѣда Государь сказалъ мнѣ нѣсколько милостивыхъ словъ; и я отправился въ Спб.

Р.

Спб. 12-го октября 1876 г.

Различныя стадіи восточнаго вопроса въ теченіе зимы 1876—77 г.г.

С.-Петербургъ, 12-го ноября 1876 г.

Сегодня я въ первый разъ былъ съ докладомъ у Государя послѣ возвращенія его изъ Ливадіи, рѣчи, произнесенной имъ въ Москвѣ и повелѣнія о мобилизаціи войска. Я доложилъ ему, что въ воскресенье будетъ объявленъ стомилліонный заемъ и что онъ, несмотря на сочувствіе къ цѣли этой операціи, не будетъ покрытъ. Что для прикрытія этого факта гос. банкъ оставитъ за собою всю неподписанную сумму, т. е. въ сущности мы будемъ выпускать на наши военные расходы кредитные билеты, что 100 милл. на войну далеко недостаточно, такъ что мы наводнимъ Россію кредитными билетами. Въ то же время размѣнный фондъ будетъ истощаться, потому что во время войны другого средства къ уплатѣ нашихъ купоновъ за границую не существуетъ; такимъ образомъ мы будемъ черезъ годъ имѣть огромную массу обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ и не будемъ уже, за истощеніемъ размѣннаго фонда, имѣть никакихъ средствъ къ уплатѣ нашихъ долговъ за границую. Я кончилъ тѣмъ, что если видишь два поѣзда, которые мчатся навстрѣчу другъ другу, то нетрудно предвидѣть результатъ. Государь выслушалъ меня внимательно, и я думаю, что слова мои произвели впечатлѣніе, ибо два министра, бывшіе послѣ меня, спрашивали, что я ему сказалъ.

Въ кн. Горчаковѣ, котораго я видѣлъ сегодня до доклада, и въ самомъ Государѣ я замѣтилъ перемѣну, т. е. оба, казались, болѣе миролюбивыми. Извѣстіе о слабой подпискѣ на заемъ кажется подействовало на Государя. По поводу пониженія вексельнаго курса, я замѣтилъ, что это должно еще усилиться по мѣрѣ выпуска кредитныхъ билетовъ; что пониженіе вексельнаго курса обозначаетъ уменьшеніе ихъ цѣнности, такъ что тотъ денежный знакъ, которымъ мы должны (за неимѣніемъ звонкой монеты) вести войну, будетъ по мѣрѣ расходованія терять свою цѣнность, и что мы бу-

демъ принуждены прекратить военное дѣйствіе, потому-что наши деньги теряютъ платежную силу. Р.

С.-Петербургъ, 10-го декабря 1876 года.

Когда я вошелъ сегодня къ Государю, я его нашелъ весьма озабоченнымъ извѣстіемъ о назначеніи Мидхадъ-Паши вел. визи-ремъ и о появленіи въ Константинополь лорда Биконсфильда, интригующаго за спиною маркиза Сольсбури. Полагаютъ, что это предвѣщаетъ отказъ Турціи отъ принятія заключеній. Надобно сказать, что послѣднее время Государь былъ весьма расположенъ вѣрить въ мирный исходъ дѣла и даже сказалъ депутаціи отъ купечества, что войны вѣроятно не будетъ. Потомъ Государь спросилъ: „Мнѣ сказали, что ты чрезвычайно огорченъ моимъ приемомъ въ Ливадіи; правда ли? Во всякомъ случаѣ въ моемъ намѣреніи не было тебя дурно принять“. Я отвѣтилъ: „Да, Государь, правда, Вы мнѣ сказали, что средства на веденіе войны есть, но надобно умѣть и хотѣть ихъ достать. Если послѣ пятнадцати лѣтъ моего управленія министерствомъ финансовъ, Вы не довѣряете ни моему умѣнію, ни моему хотѣнію, то я не могу не придти къ убѣжденію, что невозможно мнѣ приобрести Ваше довѣріе съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ уменьшившимися силами и при обстоятельствахъ, еще болѣе затруднительныхъ“. Государь: „Я не говорилъ, что средства есть, а что они должны быть, когда послѣ всего, что я сдѣлалъ для сохраненія мира, приходится вести войну“. Я: „Я убѣжденъ, что всѣ такъ называемыя средства сводятся окончательно къ выпуску кредитныхъ билетовъ, а послѣдствія этого Вамъ извѣстны. Они все болѣе будутъ обезцѣнены, и придется прекратить войну, за неимѣніемъ средствъ“. Государь повторилъ, что онъ убѣжденъ, что средства есть. Я: „Я не могу лицемѣрно говорить противъ своего убѣжденія,—возьмите другого министра финансовъ, который бы видѣлъ то, чего я не вижу, дѣло слишкомъ важно, чтобы оставить недоразумѣніе и начать войну, не зная, чѣмъ ее довести до конца“. (Тутъ вошелъ Наслѣдникъ). Государь: „Ты имѣешь опытъ и можешь сдѣлать лучше другихъ,—но всякій человѣкъ можетъ ошибаться,—отчего жъ тебѣ не выслушать то, что могутъ предложить другіе“. Я: „Вопросъ этотъ обсуждался въ комитетѣ финансовъ, я тамъ не слышалъ другихъ мнѣній, но если В. В. изволите мнѣ указать кого еще спросить, то я это исполню“. Тутъ Наслѣдникъ предложилъ Бабста и Бунге. Государь сказалъ, что онъ никого не знаетъ, но что можетъ быть Абаза, Грейгъ или Валуевъ укажутъ на кого-либо. За симъ онъ рѣшилъ спросить отъ

моего имени Бабста и Бунге, и если еще кто найдется, и представить мнѣ ему записку, которую потомъ разсмотрѣть въ комитетѣ финансовъ.

(Я думаю, что о моемъ неудовольствіи Государю сказалъ Горчаковъ; послѣ непріятной сцены въ Ливадіи я сказалъ Горчакову: „On ne quitte pas son poste au moment du danger,—il sera temps d’aviser quand on sera hors d’affaires“.—Недавно Горчаковъ вывѣдывалъ у меня, того ли я еще мнѣнія). Р.

С.-Петербургъ, 17-го декабря 1876 г.

Сегодня я читалъ Государю прилагаемую записку (для комитета финансовъ). Она составлена съ цѣлью, чтобы доказать¹⁾, что страна, въ настоящемъ ея положеніи, не имѣетъ возможности вести войну. Государь внимательно входилъ въ ея смыслъ и вспомнилъ слова графа Гурьева въ 1853 году, подтверждающія мой взглядъ. Послѣ засѣданія особаго совѣщанія, бывшаго послѣ моего доклада, онъ говорилъ со мной весьма милостиво.

С.-Петербургъ, 13-го февраля 1877 г.

Въ послѣднее время настроеніе Государя все болѣе и болѣе становилось мирнымъ, главнымъ образомъ, кажется, по тремъ причинамъ: 1) Онъ убѣдился, что война была бы пагубна для нашихъ финансовъ и экономического развитія; 2) радикальная перемѣна общественнаго мнѣнія, и 3) онъ сомнѣвается въ дѣйствительности союза трехъ Императоровъ и начинаетъ, наконецъ, подозрѣвать, что Бисмаркъ старается запутать насъ въ восточный вопросъ. При докладѣ 4-го февраля онъ мнѣ сказалъ, что теперь, кажется, можно надѣяться на миръ. Въ совѣщаніе 5-го февраля военный министръ принесъ записку, въ которой, сознаваясь, что война будетъ для финансовъ и экономического развитія пагубна, утверждаетъ, что мы не можемъ не начать войну, потому что иначе слова, сказанныя Государемъ въ Москвѣ, останутся безъ исполненія; что Россія, привыкшая руководиться словами Государя, перестанетъ имъ вѣрить, что духъ войска упадетъ и т. д. Впечатлѣніе, повидимому, было сильное. Государь задумался и потомъ прекратилъ засѣданіе, назначивъ продолженіе на сегодня, и сказалъ, что если кому угодно, то могутъ также написать записки. Я воспользовался этимъ и приготовилъ прилагаемую записку. Вчера, когда я вошелъ къ Государю съ докладомъ, онъ встрѣтилъ меня словами: „Я совершенно согласенъ съ Милютинымъ; въ жизни

¹⁾ Эта записка напечатана въ біографическомъ очеркѣ.

государствъ, какъ въ жизни частныхъ лицъ, есть минуты, когда надобно забыть все другое и отстоять свою честь“. Я: „Извините меня, Государь, но я думаю, что со времени московской рѣчи многое существенно измѣнилось. Тогда надобно было ожидать вскорѣ нападенія турокъ на Сербію и на Черногорію, впоследствии продолжено перемиріе, и теперь есть надежда на заключеніе мира между ними и Портою. Тогда вовсе не было соглашенія между державами, теперь оно есть. Тогда общественное мнѣніе наше казалось воинственнымъ, теперь только желаютъ упроченія мира. Вы въ Москвѣ сказали, что интересы Россіи для Васъ выше всего, и сами признаете, что война была бы для нихъ пагубна (онъ употребилъ это слово)“. Государь мнѣ отвѣтилъ съ явнымъ неудовольствіемъ: „Я вовсе не раздѣляю твоего мнѣнія“. Я: „Въ прошломъ засѣданіи Вы намъ позволили на письмѣ изложить свое мнѣніе“. Онъ взялъ записку и сказалъ вошедшему Наслѣднику: „Рейтернъ также написалъ записку, я ее тебѣ дамъ прочесть“.

Въ сегодняшнее засѣданіе въ первый разъ были приглашены Тимашевъ и Валуевъ, которымъ, оказывается, Государь вчера послалъ мою записку. Тонъ Государя былъ гораздо спокойнѣе и, казалось, что желалъ бы обойтись безъ войны. Военный министръ не говорилъ вовсе.

Обстоятельства, приведшія къ восточной войнѣ.

Государь вообще искренно миролюбивъ. Тяжелыя обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, оставили въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ бѣда крымской войны сломила твердую натуру его отца. Государю чрезвычайно тяжело было согласиться на условія Парижскаго трактата. Политическія и финансовыя послѣдствія крымской войны тяготѣли надъ нимъ почти десять лѣтъ по окончаніи ея. Въ послѣднее время къ этому прибавилось еще и то, что онъ, подъ вліяніемъ упадающаго здоровья, вообще потерялъ охоту къ дѣламъ, которыми занимался только изъ чувства долга. Государь придаетъ большое значеніе прецедентамъ. Ему казалось, что если, послѣ продолжительнаго мирнаго царствованія, наступитъ война, то онъ ее не доведетъ до конца, и подобно отцу не вынесетъ бремя.

Князь Горчаковъ также миролюбивъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ въ его политическія соображенія никогда не входила мысль объ употребленіи оружія. Еще весною 1876 года, передъ отъѣздомъ въ Эмсъ, онъ мнѣ говорилъ: „Pas un homme et pas un rouble“. Но князь Горчаковъ самолюбивъ; удачно сказанное слово онъ счи-

таетъ успѣхомъ. Къ этому надобно прибавить, что Горчаковъ вообще мало занимался восточными дѣлами, и его интересовали только европейскія. Въ восточныхъ дѣлахъ онъ вполне поддавался Игнатьеву, когда тотъ былъ директоромъ азіатскаго департамента, а потомъ Стремоухову.

Игнатьевъ и Стремоуховъ имѣли главное вліяніе на приготовленіе восточнаго вопроса къ взрыву. Они другъ друга ненавидѣли, и едва-ли былъ между ними сговоръ; но въ извѣстныхъ случаяхъ они другъ друга поддерживали. Я не утверждаю, что дѣятельность ихъ имѣла цѣлью возбужденіе восточнаго вопроса, но убѣжденъ, что она болѣе, чѣмъ что-либо, повела къ этому результату.

Вліяніе Стремоухова на восточный вопросъ состояло преимущественно въ выборѣ лицъ на должности консуловъ и агентовъ и въ направленіи ихъ дѣятельности.

Игнатьева роль чрезвычайно трудно опредѣлить. Въ официальныхъ депешахъ Игнатьева, представляемыхъ Государю, вовсе нѣтъ славянофильскаго направленія. Однѣ должны доказать вліяніе посла на Порту, а другія вліяніе его же на христіанскихъ подданныхъ Порты. Если судить объ Игнатьевѣ только по официальнымъ его депешамъ, то можно бы его считать только ловкимъ дипломатомъ, который успѣлъ войти въ довѣріе Порты и даже султана. Но этимъ нисколько не объясняется то положеніе въ общественномъ мнѣніи Россіи, которое Игнатьевъ занималъ. Вообще въ Россіи мало знаютъ нашихъ заграничныхъ представителей и довольно равнодушны къ ихъ дѣйствіямъ и достоинствамъ. Нельзя назвать ни одного нашего дипломата, о мнѣніяхъ о политикѣ котораго бы говорили, независимо или даже въ противоположность намѣреніямъ канцлера и даже Государя. Игнатьевъ составляетъ единственное исключеніе. Онъ положительно пользовался популярностью, имѣлъ связи съ разными кружками, на которые правительство смотрѣло недоброжелательно. Нельзя не удивляться его ловкости, что при этомъ ему удавалось удержаться, если не въ особой милости Государя, то все-таки посломъ и авторитетомъ въ восточныхъ дѣлахъ. Для Государя онъ былъ исполнителемъ его указаній, т. е. вовсе не славянофилъ, а публика его считала ревнителемъ славянскихъ идей. Игнатьевъ всегда старался убѣдить Государя и вообще всѣхъ въ томъ, что турецкое владычество клонится къ упадку отъ внутренней порчи и слабости, и что оно не можетъ противопоставить нападенію съ нашей стороны сколько-нибудь энергическаго противодѣйствія. Я думаю, что онъ въ этомъ былъ дѣйствительно убѣжденъ. Это мнѣніе Игнатьева имѣло большое вліяніе на рѣшеніе дѣла. Мнѣ извѣстно, что представители другихъ державъ въ Константинополѣ не раздѣляли этого взгляда.

Герцеговинское возстаніе началось лѣтомъ 1875 года. Осенью, по возвращеніи моемъ изъ-за границы и затѣмъ Государя изъ Ливадіи, я нашелъ Его Величество и Горчакова въ совершенной рѣшимости не давать этому дѣлу разростись до размѣровъ восточнаго вопроса. Въ теченіе всей зимы 1875—76 года они оба оставались въ этомъ намѣреніи. «Государя я находилъ тогда болѣе озабоченнымъ, чѣмъ Горчакова, который къ этому дѣлу относился довольно легко. Я выше привелъ его выраженіе: „Pas un homme et pas un rouble“. Онъ крѣпко надѣялся на союзъ трехъ Императоровъ, былъ убѣжденъ, что Англія ничего не можетъ и не захочетъ сдѣлать безъ континентальнаго союзника, и считалъ, согласіе Турціи на рѣшеніе трехъ Императоровъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію.

Между тѣмъ началась внутренняя агитація, сначала въ славянофильскихъ кругахъ, потомъ въ газетахъ, потомъ въ высшемъ обществѣ. Государю противна вообще всякая политическая агитація. Онъ ревниво оберегаетъ свою самодержавную власть отъ всякаго вмѣшательства. Въ этомъ единственно случаѣ онъ не запрещалъ и не останавливалъ. Это произвело разладъ между официальной политикой, которая оставалась миролюбивою, и предполагаемыми намѣреніями, о которыхъ публика здѣсь и за границею могла судить по внѣшнимъ признакамъ. Полагали, что Государь связанъ въ своей официальной политикѣ, но что онъ въ существѣ раздѣляетъ славянофильскія идеи и желаетъ войны. Вѣрнымъ тому доказательствомъ считали участіе, которое придворные принимали въ агитаціи. Они едва-ли доступны увлеченіямъ и, конечно бы, имъ не предавались, если бы думали, что это Государю не угодно. Примѣръ лицъ, приближенныхъ ко двору, имѣлъ огромное вліяніе на усиленіе агитаціи: кто слѣдовалъ просто модѣ, кому доставляло удовольствіе громко бранить политику правительства, полагая, что въ эту минуту это не только не опасно, а пожалуй, еще понравится, наконецъ, вожди славянофильской партіи сознательно пользовались обстоятельствами, чтобы раздувать огонь. Сочувствіе славянамъ безъ всякаго сомнѣнія существовало, но при поущеніи правительства и подъ вліяніемъ примѣра двора, было искусственно вздуто до размѣровъ, совершенно обманчивыхъ и не соотвѣтствующихъ дѣйствительности.

Это придавало нашимъ дѣйствіямъ двухсмысленный характеръ, порождало за границею недовѣріе къ нашимъ завѣреніямъ и отнимало у официальнаго правительства власть надъ собственными своими агентами и, слѣдовательно, возможность дѣйствовать успокоительно на христіанское населеніе Турціи. Наши агенты на

востокъ, исподволь подобранные Стремоуховымъ, смотрѣли на циркуляры и предписанія министерства иностранныхъ дѣлъ какъ на формальность, не выражающую настоящихъ намѣреній правительства. Такимъ образомъ министерство иностранныхъ дѣлъ потеряло всякое вліяніе на христіанское населеніе Турціи, — чтобы оно ни говорило и дѣлало, все считалось необходимою пока маскою, скрывающею завоевательные замыслы. Немыслимо, напр., чтобы Сербія рѣшилась объявить войну въ противность строгаго предостереженія, посланнаго ей отъ имени самого Государя, если бы она не была убѣждена, что имѣетъ здѣсь доброжелателей, которые выручатъ.

Я совершенно убѣжденъ, что въ то время, т. е. до второй половины 1876 года, Государь искренно желалъ покончить эти дѣла миролюбиво, и что агитація, сербская война, добровольцы и т. п. были ему въ душѣ противны. То же самое я думаю и о Горчаковѣ, хотя въ меньшей степени.

Я имѣлъ возможность объ этомъ судить, ибо Государь издавна со мною говоритъ о политикѣ. Онъ въ это время говорилъ со мною почти каждый разъ и всегда безъ всякаго съ моей стороны повода. Онъ часто употреблялъ чрезвычайно сильныя выраженія не только неодобренія, а можно сказать негодованія противъ сербовъ и здѣшнихъ славянофиловъ; казалось, что онъ радъ бывалъ случаю отвести душу (если можно такъ выразиться) съ человѣкомъ, въ сочувствіи котораго своимъ мыслямъ онъ былъ увѣренъ. Опять повторяю, что я совершенно убѣжденъ въ искренности миролюбивыхъ чувствъ Государя и въ полномъ его отвращеніи къ агитаціи, славянофильскимъ идеямъ и пр. Если онъ говорилъ со мною, то это было отъ полноты души. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было не допускать славянофильской агитаціи до размѣровъ, которые она приняла въ половинѣ 1876 года. Наши агенты на востокъ не оставались бы въ сомнѣніи относительно дѣйствительныхъ намѣреній правительства, другія державы и сама Турція не имѣли бы основанія сомнѣваться въ искренности завѣреній Государя. Была также полная возможность удерживать газеты и уменьшать этимъ способомъ распространеніе агитаціи въ публикѣ и народѣ. Тимашевъ всегда былъ къ этому готовъ. Я никогда не былъ поборникомъ стѣсненій печати и не прибѣгалъ къ нимъ ни для защиты своихъ мѣръ, ни для огражденія своей личности, но всякая система должна быть прилагается послѣдовательно; если правительство, которое преслѣдовало печать за нерасположеніе къ классическому образованію, не мѣшаетъ ей проповѣдывать войну съ Турціею, Англіею и Австріею, то изъ этого нельзя вывести другого заключенія какъ, что само правительство къ этой войнѣ идетъ и желаетъ возбудить народное сочув-

ствіе къ своей наступательной политикѣ. Однимъ словомъ, агитація могла разростись до размѣровъ, до которыхъ она дошла, только при допущеніи, со стороны правительства. До лѣта 1876 года, т. е. до отклоненія Англіею Берлинскаго меморандума, кн. Горчаковъ поддерживалъ Государя въ убѣжденіи, что дипломатическимъ путемъ будетъ достигнуто нѣкоторое улучшеніе положенія славянъ, дано удовлетвореніе симпатіямъ Россіи къ нимъ и, кромѣ того, приобрѣтенъ въ Европѣ, дешевою цѣною, дипломатическій престижъ. Послѣ Берлинскаго свиданья Государь остался два мѣсяца за границею и вѣроятно не зналъ, что здѣсь дѣлается. Когда же онъ возвратился, то общее возбужденіе дошло уже до крайнихъ размѣровъ и остановить его было уже весьма трудно.

Государь оставался здѣсь еще около мѣсяца и нѣсколько разъ мнѣ повторялъ о своемъ намѣреніи кончить дѣло безъ войны,—но всѣ его рѣчи показывали внутреннюю борьбу и душевныя страданія; миролюбивыя выраженія говорились иногда тономъ какъ бы запальчиваго возраженія лицу, защищающему другое мнѣніе,—тогда какъ такого лица вовсе въ комнатѣ не было.

Въ Ливадію я пріѣхалъ 1-го октября и нашелъ Государя, какъ и кн. Горчакова, уже въ совершенно воинственномъ духѣ. Приближенныя дамы говорили сіяющими лицами: *L'Empereur s'est mis à la tête du mouvement national* и т. п.; единогласность этихъ выраженій доказывала, что пароль дана свыше. Эти фразы дѣйствительно выражали происшедшій переворотъ. Государь оставался въ Ливадіи, окруженный небольшимъ числомъ лицъ, тянущихъ всѣ въ одну сторону, безъ сообщенія съ другими своими совѣтниками; онъ слышалъ одинъ только голосъ и видѣлъ одну только сторону. Можно сказать, что отголоски Россіи доходили до него только черезъ славянофиловъ. Аксаковъ переписывался съ Милютинымъ и другими. Государь не выдержалъ и вдругъ бросился въ сторону, противоположную той, которой держался прежде. Онъ воодушевлялся какъ бы идеею освобожденія не только славянъ, но всѣхъ христіанъ и даже Іерусалима. Государь былъ, очевидно, въ лихорадочномъ возбужденномъ состояніи.

Подъ вліяніемъ ливадской атмосферы и измѣненнаго расположенія сдѣлано два шага, которые въ окончательномъ результатѣ рѣшили дѣло. Это мобилизація арміи и московская рѣчь. Мобилизація рѣшена въ совѣтѣ у Государя 4-го октября; произвести ее тогда же предполагалось 1-го ноября, съ тѣмъ, чтобы быть готовымъ перейти границу въ декабрѣ. На замѣчаніе, что едва ли удобно начать войну въ такое время года, отвѣчали, что, напротивъ, зимою нѣтъ лихорадокъ и т. п. На повѣрку, однако,

оказалось, что въ декабрѣ была въ Бессарабіи такая распутица, что походъ былъ бы крайне затруднителенъ. Мѣру эту я считаю роковою. Въ дипломатическомъ отношеніи она окончательнo закрыла возможность компромисса. Въ финансовомъ она имѣла послѣдствіемъ бесполезное израсходованіе 100 м. р. на содержаніе арміи на военной ногѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ и на столько уменьшила средства для веденія войны; наконецъ, въ военномъ отношеніи это было предостереженіе, данное Турціи, чтобы она готовилась къ отпору на Дунаѣ. Мы имѣли двѣ выгоды передъ Турціею: организацію, позволяющую скорѣе привести армію на военную ногу, и желѣзныя дороги, дающія возможность скорѣе ее подвезти къ границѣ. Отъ этихъ двухъ выгодъ мы безъ всякой пользы отказались. Если бы произвести мобилизацію съ половины марта до половины апрѣля и тотчасъ перейти границу, то турки при ихъ безопасности были бы взяты врасплохъ и едва ли бы имѣли въ Болгаріи превосходныя силы, какъ теперь оказалось.

Московская рѣчь рѣшена въ Ливадіи въ мое отсутствіе. Ее я считаю роковою потому, что она связала Государя какъ бы вопросомъ чести, какъ онъ самъ выражался впоследствии, когда уже наступило въ немъ отрезвленіе послѣ Ливадскаго упоенія. Отрезвленіе началось чуть не въ Москвѣ. Рѣчь была принята многочисленнымъ собраніемъ съ восторгомъ, вызываемымъ каждымъ заявленіемъ, обращеннымъ Государемъ лично къ своимъ подданнымъ, а тѣмъ болѣе патриотическимъ; но тогда же Государь съ своимъ тонкимъ тактомъ не могъ не замѣтить, что атмосфера Москвы, несмотря на то, что она центръ славянофильской агитаціи, не та, въ которой онъ находился въ Ливадіи. Съ окончаніемъ сербской войны, перемиріемъ, вырваннымъ у Порты нашими угрозами, увлеченіе публики быстро падало; люди, побуждаемые экономическими интересами, рѣшались уже громко высказываться въ пользу мира; эта реакція все больше увеличивалась, и зимою не оставалось почти слѣдовъ прежняго увлеченія. Въ трезвой петербургской средѣ Государь все болѣе и болѣе приходилъ въ прежнее свое мирное расположеніе; въ разговорахъ со мною онъ выражалъ неоднократно свое желаніе кончить дѣло миромъ. Въ декабрѣ онъ сказалъ публично депутаціи отъ купечества, что онъ надѣется, что войны не будетъ.

Я не буду говорить здѣсь объ обстоятельствахъ несчастной дипломатической кампаніи отъ перемирія между Турціею и Сербіею, которое безъ всякаго основанія мы не хотѣли имѣть шестимѣсячнымъ до протокола, отвергнутаго Турціею, но долженъ сказать то, что мнѣ извѣстно о личномъ вліяніи кн. Бисмарка на восточный

вопросъ. Князь Бисмаркъ давно, и при разныхъ случаяхъ, старался насъ, такъ сказать, натравить на поднятіе восточнаго вопроса. Когда утечетъ достаточно времени, чтобы открыть наши архивы послѣднихъ 6—7 лѣтъ изслѣдователямъ исторіи, то слѣды этого найдутся. Въ Австріи думаютъ, что его рука была съ самага начала въ Герцеговинскомъ возстаніи; я не имѣю никакихъ тому доказательствъ, но не считаю этого невозможнымъ. Съ начала компликацій и до Берлинскаго свиданія (май 1876) кн. Бисмаркъ шелъ съ нами и Андраши, и я думаю, ближе къ нему, чѣмъ къ намъ. Отъ времени отвергнутія Англіею Берлинскаго меморандума до послышки Мантейфеля въ Варшаву, и потомъ до тѣхъ поръ, какъ кн. Горчаковъ изъ Ливадіи обратился къ нему, онъ былъ вообще сдержанъ; когда же, по возвращеніи Государя сюда, идеи болѣе миролюбивыя стали преобладать, то кн. Бисмаркъ всячески старался не допускать, чтобы дѣла уладились. Разговоры его съ нашимъ посломъ были таковы, что отъ нихъ не отказался бы ярый славянофилъ. Они клонились къ развитію шовинистскихъ страстей и замѣчательнымъ образомъ были рассчитаны на характеръ Государя. Бисмаркъ говорилъ о чести Россіи, объ упадкѣ духа въ арміи о вредѣ мирнаго исхода для монархическаго начала—и все это производило свой эффектъ. Съ той минуты какъ война была рѣшена, кн. Бисмаркъ опять сталъ сдержаннѣе.

Я объясняю все это слѣдующимъ образомъ: кн. Бисмаркъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли, сохранить и если можно еще ближе скрѣпить дружественныя связи между Германіею и Россіею Императора Александра II; запутать Россію въ неразрѣшимый восточный вопросъ такъ, чтобы она въ будущее царствованіе не имѣла бы ни желанія, ни возможности вмѣшиваться, невыгоднымъ для Германіи образомъ, въ европейскую политику.

Сентябрь 1877.

Октябрь 1878.

Оставленіе должности министра финансовъ.

Я отказался отъ должности министра финансовъ „по разстроенному здоровью“, какъ это у насъ принято. Это не было предлогомъ. Безсонница, нервность, раздражительность и желчность дѣлали всякое напряженіе ума, сношенія съ дѣловыми людьми, споры съ другими вѣдомствами, пренія въ совѣтѣ и комитетахъ невыносимо тяжелыми. Рѣдко я ложился спать безъ желанія болѣе не проснуться. Мысль, что можетъ быть придется кончить безчестіемъ, т. е. несостоятельностью, меня преслѣдовала. Но болѣзнь была не

единственная и даже не главная причина оставленія министерства, т. е., будь я здоровъ, я все-таки вышелъ бы. До отъѣзда Государя за границу весною 1876 года, интересы финансовыя и экономическія, повидимому, принимались въ расчетъ при рѣшеніяхъ политическихъ. Но вскорѣ послѣ возвращенія Государя я сталъ замѣчать, что эти интересы все болѣе и болѣе отходили на задній планъ. Сербская агитація, развивавшаяся во время отсутствія Государя, его и беспокоила, и сердила, и увлекала. Онъ чувствовалъ себя опереженнымъ и все болѣе и болѣе уносился потокомъ, пока, наконецъ, занялъ мѣсто во главѣ движенія. Апогей этого настроенія я нашелъ въ Ливадіи, куда пріѣхалъ 1-го октября 1876 года. Финансовыя и экономическія интересы какъ бы не существовали. Въ другомъ мѣстѣ я рассказалъ все, что я тамъ испыталъ. Когда я писалъ записку, которую я тамъ подалъ Государю, я зналъ, что она не могла не произвести непріятнаго впечатлѣнія: она слишкомъ рѣзко противорѣчила тогдашнему настроенію. Первая аудіенція тотчасъ по пріѣздѣ 1-го октября показала мнѣ, что Государь, такъ сказать, отвернулся отъ всего, что могло бы напомнить ему прежній его взглядъ, и въ особенности отъ соображеній финансовыхъ и экономическихъ; я зналъ, что онъ не дастъ мнѣ высказаться, и поэтому рѣшился писать, полагая, что онъ, хотя и разсердится, а прочтетъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ мнѣ Государемъ послѣ обѣда въ тотъ день, когда записка была ему подана, показали мнѣ, что онъ особенно и серьезно недоволенъ, и я до другого дня, когда назначенъ былъ совѣтъ, имѣлъ время обдумать вѣроятныя послѣдствія. Мнѣ никогда въ голову не входила мысль, что моя записка могла перемѣнить тогдашнее направленіе нашей политики, но я думалъ, что она дастъ поводъ къ преніямъ, и что услышится голосъ разсудка тамъ, гдѣ все спѣлось на ноты сентимента, что логика, вытѣсненная такъ называемымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, хотя нѣсколько войдетъ въ свои права. Я и теперь думаю, что вѣчто подобное могло бы случиться, если бы, напр., Государь, какъ это обыкновенно дѣлаетъ, приказалъ бы сообщить мою записку другимъ членамъ ежедневныхъ совѣщаній. Вѣроятно, никто не рѣшился бы прямо пристать къ моему мнѣнію, потому, что оно слишкомъ противорѣчило Государеву, но я думаю, что, видя, что я принимаю на себя и царскій гнѣвъ и непопулярность, нашлись бы такіе, которые были бы рады случаю охладѣть Государя, *mettre de l'eau dans son vin*: отрезвленіе пришло и такъ довольно скоро; оно началось тотчасъ послѣ Москвы, въ началѣ ноября, а въ декабрѣ было полное. Такое же преніе могло значительно ускорить оное и можетъ быть предупредить такое пагубное рѣшеніе, какъ

мобилизація въ началѣ зимы, и измѣнить тонъ Московской рѣчи. Мои ожиданія не оправдались, Государь моей записки никому, кромѣ Наслѣдника, не показалъ, разбора моихъ мнѣній не было, а было только лично для меня непріятное и даже оскорбительное отклоненіе. Ночью и утромъ передъ этимъ засѣданіемъ Совѣта, подъ впечатлѣніемъ гнѣвныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ послѣ обѣда, я думалъ о томъ, какъ мнѣ встрѣтитъ бурю. Я рѣшился ни въ какомъ случаѣ не терять хладнокровія. (Мнѣ удалось это выдержать). Засимъ мнѣ представился личный вопросъ: просить ли увольненія? Это мнѣ сначала казалось самымъ естественнымъ и сообразнымъ съ моимъ характеромъ исходомъ. Полное пренебреженіе къ интересамъ, мнѣ ввѣреннымъ, интересамъ, которымъ я посвятилъ всю свою жизнь, не только оправдывало, но какъ бы требовало такого съ моей стороны поступка. Но тутъ навязывалась мнѣ мысль: что будетъ съ финансами? столькими экономическими интересами, развитію которыхъ я способствовалъ? Однимъ словомъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ думъ я пришелъ къ рѣшимости все перенести изъ любви къ своему дѣлу, къ отечеству и къ самому Государю, теперь гнѣвному, но прежде въ теченіе столь многихъ лѣтъ снисходительному и справедливому. Кто меня знаетъ, повѣритъ, что это рѣшеніе мнѣ стоило тяжелой борьбы, и можетъ быть я бы не въ силахъ былъ на немъ остановиться, если бы тогда же я не принялъ бы другое рѣшеніе, а именно оставить должность, какъ только миръ будетъ обезпеченъ; этимъ только я могъ сохранить уваженіе съ самому себѣ,—и впоследствии это поддерживало меня въ теченіе 21 мѣсяца до окончанія Берлинскаго конгресса.

По мѣрѣ того какъ Государь, послѣ возвращенія изъ Ливадіи, приходилъ все болѣе въ прежнее свое мирное настроеніе, онъ становился ко мнѣ на прежнюю довѣрчивую и милостивую точку; это уже не измѣнилось до самаго конца; напротивъ, онъ мнѣ показывалъ какую-то особую мягкость, какъ бы челоуѣку, котораго надобно беречь. Зналъ ли Государь о моемъ намѣреніи уйти? Я думаю, онъ догадывался. Покупка дома, въ маѣ 1877 года, возбудила много толковъ, которые, вѣроятно, и доходили до него. Я никогда не говорилъ ему о себѣ, и когда онъ спрашивалъ о здоровьи, отвѣчалъ коротко. Государь въ прежнее время любилъ спрашивать о финансовыхъ предпріятіяхъ на будущее.

Послѣ возвращенія его изъ арміи, онъ это дѣлалъ весьма рѣдко, и я всегда отвѣчалъ не въ первомъ лицѣ, т. е. не говорилъ: я думаю сдѣлать то или то, а, по моему мнѣнію, министру финансовъ будетъ предстоить необходимость сдѣлать то и то. Этотъ оттѣнокъ Государь, при тонкомъ своемъ тактѣ, вѣроятно, замѣтилъ. Но Государь знаетъ,

что никто не отказывается отъ занимаемой имъ должности, пока имѣеть или надѣется пріобрѣсти его довѣріе. Говорять о своихъ недугахъ, объ усталости, объ отставкѣ,—но все это исчезаетъ, коль скоро онъ удостоитъ милостью. Поэтому Государь привыкъ смотрѣть на все это, какъ на кокетливое ломаніе, имѣющее цѣлью чего-либо добиться. Зная это, я и избѣгалъ разговоровъ о себѣ. Вѣроятно, что Государь, если и слышалъ о моемъ намѣреніи, думалъ: *il y pensega à deux fois*.

Въ среду 28 іюня я получилъ отъ Н. К. Гирса телеграмму изъ Царскаго Села о мирномъ исходѣ Берлинскаго конгресса. Вечеромъ того же дня я послалъ въ фельдъегерскую на имя Государя записку, которою просилъ увольненія. Въ пятницу 30 іюня, когда я вошелъ въ кабинетъ (въ Царскомъ Селѣ), Государь началъ съ того, что моя просьба ставить его въ затрудненіе, что я, пользуясь полнымъ его довѣріемъ, прошу объ увольненіи отъ такой важной должности, въ которой моя опытность и знаніе теперь особенно необходимы, что лучше бы мнѣ уѣхать на нѣкоторое время за границу, отдохнуть и осенью, если я не поправлюсь, подумать о томъ, что сдѣлать. Я отвѣтилъ, что, оставаясь министромъ финансовъ, я не рѣшился бы уѣхать, что обстоятельства слишкомъ серьезны, чтобы оставить министерство финансовъ безъ хозяина, что теперь начинается ликвидація войны, и затѣмъ придется медленно, шагъ за шагомъ, возвести опять то, что разрушено войною, что это во всякомъ случаѣ дѣло многолѣтнихъ усилій и которое не можетъ быть начато однимъ и продолжаемо другимъ. Тутъ я объяснилъ (совершенно по истинѣ), какъ мнѣ невыносимы усилія и работы по управленію министерствомъ, что я давно рѣшился уходить и этого не сдѣлалъ, потому, что считалъ вопросомъ чести во время войны о себѣ не думать, что благодарю Бога, что мнѣ удалось выдержать до конца, и что одна мысль о продолженіи меня ужасаетъ. „Я давно уже замѣтилъ, что тебѣ силы измѣняются“, сказалъ Государь. Я: Позвольте Вася спросить, въ чемъ Вы это замѣтили. Государь: „Во время нашихъ совѣщаній я видѣлъ, какъ ты измѣнялся въ лицѣ“.

На прощанье Государь сказалъ мнѣ съ большимъ чувствомъ весьма милостивыя слова. Онъ былъ видимо тронутъ и я также.

Государь Наслѣдникъ также весьма милостиво со мной простился. Я забылъ сказать, что онъ вошелъ вскорѣ послѣ начала разговора. Общее впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ этой аудіенціи что Государь съ самаго начала рѣшился принять мою просьбу объ увольненіи, и что онъ уговаривалъ меня остаться только потому, что желалъ показать вниманіе старому и вѣрному слугѣ.

Я забылъ сказать, что во время разговора Государь выразилъ

желаніе, чтобы я преемнику своему сообщилъ свои мысли о финансахъ, на что я сказалъ, что мною еще въ 1877 году составлена пространная записка, какъ бы финансовое духовное завѣщаніе. Государь видимо удивился и впослѣдствіи спросилъ Грейга о времени составленія этой записки. Государь также выразилъ свое удовольствіе, узнавъ, что я зиму полагалъ провести въ С.-Петербургѣ.

Я думалъ, что Указъ о моемъ увольненіи послѣдуетъ въ началѣ слѣдующей недѣли, этого однако не было. Когда мы съ Грейгомъ ¹⁾ въ пятницу, 7 іюля, вошли въ кабинетъ, Государь мнѣ сказалъ: „Я подписалъ твое увольненіе и хотѣлъ самъ тебѣ отдать, прочти“.

Содержаніе грамоты и этотъ необыкновенный способъ врученія ея меня сильно тронули, и я могъ только сказать: Государь, я жалѣю, что у меня нѣтъ дѣтей, которымъ я могъ бы оставить этотъ документъ въ наслѣдство. Государь далъ мнѣ руку и сказалъ: „И каждое слово истинная правда“.

Высочайшій рескриптъ, врученный М. Х. Рейтерну лично Государемъ Императоромъ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему статсъ-секретарю, члену Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Михаилу Рейтерну.

Съ искреннимъ сожалѣніемъ низойдя на просьбу вашу объ увольненіи васъ, по разстроенному трудами здоровью, отъ должности министра финансовъ, Мы вмѣняемъ Себѣ въ сердечный долгъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ доблестную дѣятельность вашу и особенно тѣ важныя услуги, которыя вы оказали Государству въ теченіе шестнадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ. Вы были призваны на постъ Министра въ трудное время, когда, вслѣдствіе недавно оконченной передѣль войны и обширныхъ внутреннихъ преобразованій, требовались чрезвычайныя усилія, дабы вывести финансы Имперіи на путь правильнаго развитія.

Къ выполненію возложенной на васъ задачи, вы приступили съ твердою вѣрою въ будущность Россіи, съ ясною сознанною мыслью, что благосостояніе государственнаго хозяйства зиждется на богатствѣ народа и обусловливается увеличеніемъ производительныхъ силъ его. Рядомъ мѣръ, по указаніямъ Нашимъ, вами непосредственно или при ближайшемъ содѣйствіи вашемъ, настойчиво и неуклонно приведенныхъ въ исполненіе, достигнуты

¹⁾ Ген.-ад. Грейгъ, преемникъ М. Х. Рейтерна.

были замѣчательные результаты: въ нѣсколько лѣтъ построена обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ; промышленное и торговое движеніе приняло небывалые дотолѣ размѣры; государственные доходы стали быстро возрастать и ежегодный избытокъ ихъ надъ расходами смѣнилъ прежніе хроническіе дефициты нашихъ бюджетовъ; наконецъ, кредитъ Государства, несмотря на увеличившуюся сумму обязательствъ казны, значительно возвысился и упрочился. Благодаря симъ успѣхамъ, страна могла вынести и огромныя тягости послѣдней войны съ непоколебленнымъ, и внутри и извнѣ, довѣріемъ къ ея силамъ. Признавая справедливымъ ознаменовать столь плодотворное по послѣдствіямъ, достославное служеніе ваше изъявленіемъ особеннаго Нашего Ялаговленія, Мы пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашею Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Знаки сіи, свидѣтельствуя предъ лицомъ Россіи о государственныхъ заслугахъ вашихъ, да будутъ для васъ выраженіемъ и Нашей душевной признательности за неутомимо-ревностные, просвѣщенные, блестящими успѣхами отмѣченныя труды ваши на пользу Престола и Отечества.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію неизмѣнно благосклонны.

На подлинной Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Царскомъ Селѣ
7-го іюля 1878 года.

